

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

В названии любого приметного участка местности всегда заложен какой-то смысл. Он, как правило, касается его особенностей, соотношения с окружающим пространством, с различными видами деятельности людей. Некоторые названия отражают связь с животным миром: города Орёл, Бобров, Мышкин или, к примеру, населённых пунктов, таких как Волчье, Медвежий Кут, Заячий остров или Соколиное.

В старейшей на Дону станице Гундоровской одна из балок (так местные жители называют овраги) с незапамятных времён носит название Мартышкиной. При отсутствии достоверных источников писатель и краевед Сергей Александрович Сполох в своём рассказе с таким же названием предложил свою версию, основанную на выдумке. Это небольшое произведение не имеет исторической основы, зато вызвало большой интерес у читателей. На этих страницах помещено окончание рассказа Сергея Сполоха. Читайте!

Мартышкина балка

Окончание. Начало – в № 50.

С первого воскресного дня Успенской ярмарки 1913 года в станице Гундоровской жители хутора Масюткина возвращались по-разному. Одни ехали на своих повозках, запряженных парами медленно ползущих быков, другие, увешанные гостинцами для домочадцев, шагали пешком по пыльному скотопрогонному шляху. Казаки-малолетки понеслись напрямки до самого земельного довольствия хутора через пересекающие станичный юрт балки и возвышающиеся курганы. Едва влетев своей стайкой на крайнюю улицу хутора, они тут же узнали главную новость – к ним пожаловал дрессировщик цирка со своими мартышками, которые так успешно выступили на сцене «шапито», но после запрета карикатурного номера с их участием, высмеивающего царскую семью, были с позором изгнаны из станицы.

Наиболее любопытные обыватели сразу потянулись к усадьбе старого казака Григория Даниловича Боровского, которого все знали по уличному прозвищу «помашь-помашь». Прибежали посмотреть на мартышек поближе и казачата во главе с их заводилой Фенькой.

Увидев собравшуюся толпу хуторян, из куреня, пошатываясь, вышел пьянющий Данилыч в обнимку с дрессировщиком Ференцем, который от выпитого первача тоже едва стоял на ногах. Дедок, гордясь вниманием заезжего человека и своих соседей, обратился к любопытствующим:

– Что, прибежали посмотреть на артистов большого императорского цирка?

Феня, почесав свой давно нестриженный затылок, бойко ответил за всех:

– Ну, конечно, если позволите. Интересно же...

Малолетки с опаской подошли к клеткам с сидевшими в них мартышками. Вертикальные, отполированные до блеска металлические прутья обхватил своими чёрными лапами, сильно похожими на человеческие руки, самый большой самец, вожак, тот самый, который был представлен цирковой публике как глава императорской фамилии. Он уже был без красочного наряда и, лишившись своего величия, как будто погрузился. В соседней клетушке также сидел крупный самец, но по воле циркача Ференца изображавший величавую царскую супружницу, также ни на кого не обращавший внимания, а только с аппетитом догрызавший большую сочную грушу.

Даже самый маленький мартышонок без своего матросского одеяния уже не казался таким забавным и, ухватив морковку в одну ручонку, другой запихивал в рот жёлтое с красным боком яблоко.

Казачата галдящей толпушкой переходили от клетки к клетке, хохотали, тыкали пальцами в невольников и с большим интересом разглядывали никогда не виданных ими вблизи животных.

Мартышки, давно привыкшие к вниманию публики, усердно двигали челюстями, набивая свои защёчные мешки.

Ночью Феньке приснилось, как он выходит на поклон в чёрном атласном фраке на цирковую арену, и его окружают много-много дрессированных им зверей. И во сне, и в мечтах ему казалось, что может пригодиться такой опыт, когда он научил своего пса Бобика выполнять забавные команды. Выглядело это довольно комично... Он доставал из цибарки небольшую рыбку, вертел её перед мордой пса и громко давал команду:

– Лизни kota!

Если пёс, высовывая красный язык, касался им уха рядом сидящего белого кота Мурзика, значит, тогда он ему отдавал заработанную рыбку. Заодно сразу угощал и терпеливого Мурзика. Чем вам не цирковое представление!

Утро следующего дня началось с того, что в курень Данилыча явилась целая делегация во главе с помощником станичного атамана, которого сопровождали два сиденочных казака. Рядом с ними топтался атаман хуторской.

– Вы – гражданин Ференц Шустер? – начальственно обратился к вышедшему на крыльцо дрессировщику представитель станичной власти.

– Да, я – вами названный подданный Австро-Венгерской империи.

– По распоряжению начальства я должен доставить вас в станицу. Собирайтесь! И побыстрее!

Онемевший от неожиданности Ференц едва-едва успел схватить свой потёртый саквояж.

– К чему такая честь моей персоне? И как быть с мартышками, лошадьё, повозкой и цирковым реквизитом?

Помощник атамана небрежно махнул рукой в ответ на такой, показавшийся ему никчемным, вопрос:

– Всё имущество останется под надзором хуторского атамана, и он уже все распоряжения получил. Собирайтесь!

Расстроенного Ференца быстро увезли на пролётке станичного правления.

Данилыч, глядя вслед пыльному облачку, стелившемуся за ухавами, размахивая руками, сокрушался:

– Помашь-помашь, неймётся же им... Забрали для дальнейшего разбирательства... А что тут разбираться? Всего-то повеселил он публику, только и всего. Похохотали да и забыли, небось, про мартышек, раздетых под известную фамилию.

Старик взгрустнул, что остался без нового, так понравившегося ему развеселого знакомца. Но раз он хуторскому атаману пообещался, что в сохранности соблюдёт мартышек, кобылу, повозку и реквизит, значит, так и действовать надо.

С цирковой кобылой было проще всего: на передние ноги – путы – и на выгон пастись, а вот мартышки оказались прожорливыми. Хорошо

хоть Феня с друзьями в помощь старику стали таскать тайком со своих и чужих огородов всякую снедь, а вот дички – яблоки и груши – мартышки есть не стали.

Данилыч, устав от ненасытности навязанных ему постояльцев, расплалялся:

– Какие, видишь, переборчивые... – ругался он, глядя, как мартышки выбрасывают дички из клеток, – по своим императорским циркам их катают, кормят на особицу, а у нас всё по-простому, по-хуторскому, без изысков.

Феньке особенно понравилась самая маленькая мартышка, игравшая на представлении царёнка, и он всё прикидывал, как бы можно было его чему-то научить, называя его почти нежно – Алексашенька. Вот как раз он-то и стал виновником главного хуторского происшествия на Успенской неделе.

Наигравшись со своим любимчиком, оставив ему ещё угощения, Фенька отправился в сторону закатного солнышка, как всегда, встречать домашнюю скотину. Боясь не успеть, он второпях забыл закрыть дверцу клетки на замок, а мартышонок, много раз видевший, как отпираются такие запоры, быстро открыл остальные клетки и тут же попал в объятия освобождённых.

Данилыч крепко спал после возлияния по поводу горестного случая расставания с Ференцем. Спал также и дворовый пёс усадьбы казака Боровского. Когда он, услышав непонятный ему шум, приоткрыл глаза и увидел бродивших по двору мартышек, то рывкнул так, что те рассыпной стаей понеслись в сторону ближайшей балки. На поднятый собакой переполох вышел из своего куреня хозяин и, увидев опустевшие клетки, сразу обмер и протрезвел.

– Всё, недоглядел, старый дурень! Теперь от атамана достанется за нерадение к общественному интересу, да и Ференц не похвалит...

Но сообщать о происшествии никому не стал, а только под благовидным предлогом вызвал к себе во двор Феню.

– Сегодня шум поднимать не будем, – расстроенно пояснил он юному казачку. Они довольствоваться с утра захотят и, никуда не денутся, прибегут на известное им место. Тут мы их и переловим и в клетки рассадим.

Но не пришла обезьянья компаньонка на следующее утро к куреню Данилыча, да и к вечеру тоже не появилась.

Издавна у крутого извива балки бил из-под земли родник, называемый местными жителями криничкой. Над нею заботливыми руками была сложена двухаршинная стена из камня песчаника, а в её нише установлена икона Божией Матери.

Ранним утром вожак мартышкиной стаи, полакав воды, заметил блестящую на солнце икону, выдернул из ниши и попробовал на зуб её деревянный оклад. Почувствовав, что это для него несъедобно, швырнул икону, будто от расстройства, на подболоченное место ниже источника.

Утолив жажду, мартышки отправились на поиски пищи в самую заросшую часть балки, туда, где стояли старые дуплистые вербы. Именно их, рассевшись по ветвям, они и облюбовали в качестве своего пристанища.

Тут же одной обезьяне сильно досталось от пары копчиков, которые сторожили своё гнездо с клеточавшими в нём почти выросшими птенцами. Один испуганный птенец выпал с высоты на землю. Мартышки, увидев внезапную добычу, тут же кинулись к ней, оставив на своих мордах окровавленные перья. Со всей балки по истошному зову пострадавшей птичьей пары слетелись степные ястребы и, пикируя сверху вниз, стали нападать на обезьян. Те с трудом кое-как отбились, но возвращаться под защиту покинутых ими клеток не стали. Вольница — она и есть вольница!

Весь световой день поцарапанные и исклёванные хищными птицами мартышки неподвижно сидели среди густых ветвей, изредка спускаясь вниз для приискания корма. Но такового в балке почти было, и тогда, дождавшись вечера, стая совершила набег на казачьи левады, сады и огороды.

Под немислимый разор попали вызревшие к середине августа бахчи. Рассматривавшие на следующее утро свои владения хуторяне очень сильно сокрушались: на один съеденный арбуз приходился десяток разбитых и разбросанных.

Вторая ночёвка в незнакомом месте для мартышек была спокойной. Над головами раскинулся не парусиновый купол цирка или брезентовый полог повозки, а бездонное, блестящее яркой луной звёздное небо. Рассевшиеся на дуплистых вербах мартышки с интересом смотрели на луну.

На неё же в этот момент смотрел и казак Иван Качкин, печник по подсобному ремеслу, возвращавшийся из соседнего хутора и припозднившийся после обильного возлияния по случаю завершения кладки печи во вновь построенном курене. Знатный был поставлен довольным хозяином магарыч! Но ноги казака Качкина не подвели и привычно топали по тропинке между селениями. И вдруг Иван увидел на фоне почти полной луны силуэты каких-то странных существ-чудовищ. Хвосты у них были подняты вверх вопросительными знаками, а какой уж вопрос возник в голове у самого вмиг протрезвевшего казака, нетрудно было догадаться:

— Что же это такое? — заикаясь, произнёс он испуганным голосом.

Протерев ладонями глаза, быстро перекрестился, свят, свят, но не помогло! На деревьях всё так же виднелись силуэты будто чертей с длинными хвостами, на головах которых красовались небольшие рожки.

— Всё! Допился до чёртиков! Говорят же, что и такое бывает!

До своего дома ошалевший Иван добрался мигом, не разбирая пути. Ввалился в курень, оттерев в сторону от входа набравшую воздух для руганки жену — и тут же к святому углу. Креститься да молиться... Он стал отбивать поклоны до гулкового стука лбом о половицы. Затем поднялся и сел на лавку. Жена, изумлённая таким поведением своего непутёвого мужа, быстро поднесла ему жбан холодного кваса. Качкин залпом осушил жбан и заорал, чуть не погасив огонь в керосиновой лампе:

— Всё, я бросаю пить!

Благоверная жена, столько раз слышавшая подобное, сбивчиво рас-

сильно отстегав их крапивой.

Аккуратно развесив на прибрежных кустах свои юбки и кофты, вошли по илистому дну в теплую воду. Накупавшись вдоволь и выбравшись на берег, стали отжимать мокрые волосы и исподние юбки. Глянь, а верхней-то одежки и нет совсем.

— Откуда взялись шутники? — всполошились озадаченные женщины.

И тут они увидели, как чьи-то похожие на человеческие руки, только покрытые густой шерстью, перебирают их юбки с кофтами. Это мартышки, разглядев разноцветье на ближних к их укрытию кустах, по-видимому, решили, что это и есть приготовленный

хутора удалить навсегда».

Поступили от разгневанных хуторян и другие предложения — на бедолагу деда Данилыча возложить выплату ущерба, нанесённого садам и огородам. Но при всеобщем понимании того, что со старого бобыля взять нечего, отступились.

С раннего утра команда казаков под личным руководством атамана окружила вербы у ставка. С непродолжительной задачей справились достаточно быстро. Молодые и ловкие казаки сбивали перепуганных обезьян палками с ветвей, а на земле на них набрасывали сети. Пойманных мартышек казаки быстро засовывали в старые латаные-перелатанные мешки. Новых и чистых на это дело никто не дал.

Так, одна за другой заполнились шесть клеток своими обитателями. Пустой оставалась лишь одна. Та, что была предназначена для самого маленького мартышонка. Когда увидели, что в группе ловцов нет Феньки, пошли к нему на усадьбу.

Оказывается, мечтавший о карьере циркового артиста казачок, уже два дня как поймал Алексашку и держал его в сарае для огородного инвентаря. Не хотел с ним расставаться, но пришлось. У заплаканного Феньки отняли его драгоценного и желанного Алексашку, который надрывно верещал и тянул ручонки к своему кормильцу.

На усадьбе у Данилыча наконец-то воцарилось спокойствие. Хуторяне — народ сердобольный, не только не проявили злопамятство, но даже и натащили мартышкам еды с тех садов и огородов, которые подверглись их набегу.

Через пару дней на хутор заявился Ференц Шустер. Он ещё до усадьбы Григория Даниловича Боровского не успел дойти, как ему сообщили, что все его мартышки в сохранности, а также поведали, какой переполох в хуторе они сотворили. Это только заставило циркача ускорить свой шаг. А как ему, своему новому другу, обрадовался Данилыч! Век он так ничему не радовался!

Как только встало яркое августовское солнце, на повозку с надписью «Цирк» были поставлены клетки с мартышками, при этом трижды проверены запоры.

Феня проводил повозку до самого выезда на скотопрогонный шлях. Казачок, вытирая рукавом слезы, жалеючи, смотрел на маленького мартышонка, а Алексашка глупо тарасил свои блестящие глазёнки на него.

Прощались они почти друзьями, понимая, что навсегда.

Правда была это или нет, но вот уже много лет балку на краю юрта бывшей станицы Гундоровской так и называют — Мартышкиной.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

сказу мужа только обрадовалась, ну хоть такое приключение поможет ему избавиться от пагубной привычки.

Три дня Данилыч с Феней понапрасну ждали возвращения мартышек. До них, конечно же, доходили слухи о хуторских происшествиях, и они сами отлично понимали, кто стал их виновниками, но, сговорившись между собой, помалкивали.

А вот мартышки не унимались и продолжали напоминать о себе. В жаркое предобеденное время женщины ближнего кутка хутора собрались на купание. Знали же, что в это время рыбу на ставке уже никто не ловит, а любителей подсматривать за ними в растелешенном виде они не так давно проучили, выловив пару глазастых и

реквизит для их очередного выступления, и, растащив бабью одежду, сами стали к нему готовиться.

Женский визг, истошные крики разнеслись по всей округе. Эти казачки в цирке не были, а мартышек увидели первый раз в жизни. Потом кого-то в курене откачивали, а одну пожилую казачку чуть удар не хватил. Хорошо, что без жертв обошлось!

В тот же баламутный вечер на хуторском майдане безо всякой заклички прошёл шумный сбор масютиных казаков.

Долго обсуждать жгучую тему не пришлось. Приговор этого схода писарь составлять не стал, иначе там бы появилась только одна-единственная фраза: «Мартышек переловить и из

